

**Коллоквиум Института нового индустриального развития
(ИНИР) им. С. Ю. Витте на тему
«Нооиндустриальное общество:
от экономики к нооэкономике». Стенограмма
(22.11.2019 г.)**

Участники:

С.Д. Бодрунов – директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, Президент Вольного экономического общества России, Президент Международного Союза экономистов, д.э.н., профессор;

А.В. Бузгалин – руководитель Центра социэкономии кафедры политической экономии МГУ им. М.В. Ломоносова, руководитель Московского отделения ИНИР им. С.Ю. Витте, заслуженный деятель высшего образования Российской Федерации, д.э.н., профессор.

Александр Владимирович Бузгалин (АВБ). Сергей Дмитриевич, мы с Вами ранее обговаривали целый ряд проблем, связанных с трансформацией существующей экономики в направлении сначала нового индустриального общества второго поколения и далее – к нооэкономике.

Сергей Дмитриевич Бодрунов (СДБ). Точнее – речь шла об эволюции экономики нынешней, являющейся материальной основой нынешнего экономического общества и соответствующего общественного (социально-экономического) устройства сначала в экономику следующего этапа развития, следующего, если хотите, типа – экономику, созидающую новое индустриальное общество второго поколения, НИО.2, а затем трансформация уже этой экономики в нооэкономку, да. И формировании на этом материальном базисе ноообщественного устройства, ноообщества.

АВБ. И далее мы говорили там о том, что...

СДБ. Я должен подчеркнуть, не только в нооэкономку, сколько именно в новое индустриальное устройство на его базе, в ноообщество; и здесь уже можно «новое индустриальное», в этом случае, опускать...

АВБ. Хотя термин «новое индустриальное общество»...

СДБ. Оно, как и НИО.2, будет именно индустриальное, можно в этом случае это уже и не выделять терминологически, говоря о ноообществе, если уж мы на этом остановились. Ведь никакого другого типа производства уже не будет, а если так, то оно – индустриальное, и можно это, всегда подразумевая, опускать...

АВБ. Это важно обсудить подробнее, потому что термин «новое индустриальное» – не «нео», не «ново», а «ноо»-индустриальное общество, обозначающий тип *индустриального* общества, базирующегося на ноопроизводстве и подразумевающий ноообщественные отношения, только-только вводится Вами в научный оборот, в отличие от ноономики, к которой Ваши читатели уже почти привыкли. Нюансы есть, да?

СДБ. Что такое ноономика? А что такое экономика и что такое экономическое общество? Есть различие, правильно? Правильно. Экономика – это материальная основа того общественного устройства, которое сегодня есть. Экономика развивалась исторически сообразно усложнению типа «добывания»/производства/распределения продукта, удовлетворяющего усложняющиеся, «возвышающиеся» потребности людей. Материальная база ее развития – технологический прогресс, возвышение знаниеемкости – во все времена. Время от времени эти копившиеся изменения настолько были велики, что порождали достаточно мощные, видимые качественные изменения социального устройства. Марксисты, к примеру, говорят об общественно-экономических формациях, сменяющих друг друга (замечу, не особенно вникая, почему, в какой зависимости от знаниеемкости общественного производства). Это, если позволите, общественно-экономическое выражение философского феномена отражения – цепочки отражений (потребность – знание – технологии – продукт – тип производства/распределения – закрепление в общественных институтах и т.п.). Конечно, и общественное устройство влияет на все эти вещи (обратное отражение, суперпозиция отражений...), но это мы в данном рассуждении для упрощения опустим.

Кстати, мы с Вами как-то на одном из наших коллоквиумов рассуждали об отражении – это одно из универсальных свойств мироздания. Стоит заметить в скобках, что природа предусмотрела для реализации этого свойства различные механизмы-«зеркала»; к примеру, живые существа обладают особыми клетками – т.н. зеркальными нейронами, позволяющими «отзеркаливать», «отражать» (и тем самым воспринимать!) внешний мир, его действия, эмоции, и человек в этом смысле отличается от высших животных, полагают специалисты (там, М. Якобони, В. Рамачандран, И. Бауэр), только качественно более широкой эволюцией этих клеток, и даже утверждают, что именно они составляют основу природного механизма восприятия человеком внешних направленных влияний, выделив человека из мира других существ, сформировав современного человека, который может контактировать с различными объектами и с себе подобными, учиться, получая знания, воспринимать чужие эмоции, сопереживать...

Экономика есть механизм отражения современного состояния возможностей удовлетворения потребностей людей (в т.ч. - производственно-технологических!) на общественное устройство. Какой тип экономики есть у нас сейчас, такой, собственно говоря, и тип общества формируется, а как она трансформируется – соответственно, трансформируется и общество – дальше, дальше, в соответствии и с классическими политэкономическими воззрениями, и нашим представлением о том, как развивается цивилизация.

Что касается нономики, то это тоже способ удовлетворения потребностей людей (но и более продвинутый механизм отражения возможностей удовлетворения несимулятивных потребностей социума и его членов!), материальный способ удовлетворения потребностей людей, основанный на ноопроизводстве, основанный на технологиях, основанный на, может быть, даже не ноочеловеке, а, скажем так, включающий в себя ноочеловека, как некое лицо, которое находится вне этого производства, но которое управляет, тем не менее, этим производством. Условно говоря, не совсем, как

«контролер-регулирующий» первого разряда, но контролер-регулирующий в общем, глобальном смысле.

Я отнюдь здесь, ясное дело, не считаю, что человек в ноономике будет «работать» контролером-регулирующим – в этом случае уже сегодняшнюю ситуацию можно было бы назвать коммунизмом, вульгарно выражаясь, потому что сегодня 90% всех трудовых функций – это контроль и регулирование, даже в сегодняшнем уже производстве. Да, конечно, возьмите любого оператора, он и сегодня сам же не пальцем режет эти самые детали на станке – станок работает, а он регулирует. Нет, в ноосистеме общественных отношений у человека будут иные занятия и иная роль. Но в целом человек-социум будет выступать в роли такого регулирующего по отношению к производящей системе. Поэтому говорить о том, что, к примеру, Маркс подразумевал то, что я только что обозначил, – это неправильно, он подразумевал как раз регулирование в обобщенном смысле. Но доведенные до состояния автономности процессы автоматизации и интеллектуализации производства приведут к тому, что это обобщенное «регулирование и контроль» человека над таким производством возрастут естественным путем. И в этом плане он прав.

АВБ. В «ноо»-плане?

СДБ. Да. Ноономика – это такой способ удовлетворения потребностей, который позволяет таким путем удовлетворять потребности людей тоже через индустриальное производство, но основанное на таком обобщении знаний через индустриальную систему. То есть в таком сублимированном виде, возведенном, если не сказать – в абсолют, то по крайней мере – в некую точку, которая позволяет уже говорить об объединенной системе, оторванной от непосредственной «трудовой» деятельности человека. А правильно сказать, отделенной непосредственно от социума, но управляемая социумом, контролером-регулирующим. Это – общество, которое будет построено на такой материальной основе, на таких отношениях, которые включают в себя и нового человека не только как регулирующего, но и как человека, который мыслит, который существует, как говорил Декарт. Который «бытием» занимается, своим сущностным самоопределением и развитием, или, как говорит

Эрих Фромм, делает выбор в пользу «бытия» в дилемме «иметь или быть». И это самое бытие его определяет его сознание и его устройство, соответственно, общение с другими членами этого общества и, соответственно, формирует общество само. Понятна цепочка рассуждений, по крайней мере. Значит, в этом, понятнейшем, плане различие нономики и ноообщества есть такое же различие (и, естественно, такое же сходство!), как между экономикой и экономическим обществом.

АВБ. А вот нооиндустрия или нооиндустриальное общество – тут есть акцент на индустриальность...

СДБ. Индустриальное, согласен, больше артикулирует, акцентирует сохраняющуюся индустриальную основу такого производства. Но я говорю о чем? Когда я говорил «новое индустриальное общество второго поколения», я от чего всегда отталкивался? От того, что когда мы спорим сегодня, какое у нас общество – постиндустриальное или индустриальное, я настаиваю на том, что оно именно индустриальное. Поэтому слово «индустриальное» включаю в термин. Другое дело, что мы говорим, много раз так говорили – о том, что это структурно и качественно другая индустрия. И она, индустрия, при этом все время меняется, она менялась во все времена на протяжении всех веков. Эта «историческая» индустрия некоторыми классиками уже нынешними, С.Ю. Глазьевым и др., классифицировалась в уклады, например, какие-то. Потому что уклады-то шире, чем просто тип производства, когда в основе лежит тип производства. Новые технологии порождают новый тип производства, а потом дальше производственные отношения на это наслаиваются, возникает человек, обученный этому всему, имплементированный в процесс, который через эти свои внутренние ощущения, через самосознание как бы (человек же един!), постепенно переносит эти все вещи на другие сферы своего бытия, – и, соответственно, формируется общество. Вот таким путем оно формируется, не каким-то еще.

Таким образом, можно говорить о том, что индустрия, производство лежит в основе всего. Когда мы называем «индустриальный способ производства», мы подразумеваем, что это машинный способ производства, то есть это какое-то некое классическое такое понимание индустрии. Хотя можно

понимать и по-другому. Я, в частности, «для себя», понимаю это шире, я вообще представляю, что индустрия и производство в чем-то синонимичны, притом различие в нюансах: производство как процесс – это, собственно говоря, да простят меня классики, если считать то, что мы производим нечто, а производство как феномен – это индустрия. Тогда в этом случае индустрия, как феномен, возникла далеко до классически понимаемого индустриального способа производства. То есть – это то, что появилось тогда, когда человек начал брать природные вещи и обращать их (путем манипуляций на основе некоего осознанного способа, некоего добытого знания!) в вещи, которые необходимы для себя, для работы, орудий труда и т.д. и т.п. Это – первобытный способ производства, «первобытно-индустриальный» способ производства – в этом плане, в плане феноменологическом. А из такой трактовки – вывод: что касается и сегодняшней ситуации, и завтрашней – в таком случае развитие производства как индустрии не может быть «постиндустриальным» (здесь уже не столько в силу многих причин, если иметь в виду классическое понимание индустриального способа производства (мы это уже обсуждали), сколько в силу того, что индустрия есть вообще во все времена некое феноменологическое обозначение способа удовлетворения человеком своих потребностей). Оно – индустриальное, хотя оно опять же поменяло свое лицо, свой облик. Это – не то, что многоликий Янус, это, там, тысячеликий Янус, который периодически меняет свое лицо, притом сохраняя и родовые черты и того, что было ранее, в более ранних типах индустрии, и получая новые способы – ведь вовсе мы не разучились, при всем могуществе современных технологий, обтесывать камень или дубинку топором.

АВБ. Вырастание дерева из семечка...

СДБ. При этом семечко все равно есть в потенции дерево. Так что можно говорить о том, что не только в ноообществе, но и в НИО.2 это будет другой, но всякий раз индустриальный способ производства, который сегодня уже, собственно говоря...

АВБ. Возникает.

СДБ. Возникает и формируется. Если на уклады перенести, приложить к укладам, правильно сказать – наложить

на уклады, на теорию укладов, это – примерно шестой технологический уклад. Хотя я говорил, что особенность этого уклада – она другая, она, кроме особого типа технологий, заключается в качественно иной, более могучей интеграции знаний. Интеграция технологий есть в любом укладе, но для шестого – это важнейшая особенность этого уклада, которая существенно проявляется именно в шестом технологическом укладе, поскольку пенетрационный потенциал технологий этого уклада качественно более высокий, чем у предыдущих технологий (в силу того, что знания стали преобладающим ресурсом их развития (пенетрационные свойства технологии нелинейно, но возрастающе зависят от ее знаниеемкости!)). Конечно, и раньше все эти тенденции были, и разделение знаний (на известном этапе расширения пространства нашего познания и развития науки), и объединение, интеграция знаний были.

Но каждый уклад отличается, я бы сказал, «количеством наполнения» того или иного качественного состояния, качественной части какой-то. Если возьмем четвертый-пятый уклады, там эти вещи тоже возникали, говорили, вот, помните, о том, что хорошие научные открытия делаются на «стыке» наук, особенно – там, возьмите, физика, математика, химия, физическая химия, и т.д. и т.п. Коллоидные растворы, особые материалы. В общем, много чего. В последующем эта тенденция естественным образом ширилась, и сейчас возникает все больше и больше различной интеграции, сейчас уже мы говорим о совершенно другом типе интеграции, NBIC-технологии интегрируются. И при этом результаты этого развития, лежащие в индустриальный способ производства, и порождают эту самую особенность технологического уклада, который будет являться основой нового индустриального общества второго поколения. И, соответственно, новоиндустриального производства второго поколения как материальная его основа.

Что касается ноономики. Вся эта интеграция приведет к тому, что знаниепроизводящая и знаниепотребляющая сферы, а вслед за этим и индустрия, будут интегрироваться на базе наиболее пенетрационных технологий, наиболее проникающих технологий, потому что они, собственно говоря, и являются интегратором. Если в предыдущем технологическом укладе

интегратором являются информационные технологии, а до этого были таким интегратором электрические технологии какие-то, то сейчас – это когнитивные технологии, нейросети будут, искусственный интеллект, и он проникает, искусственный интеллект, в технологии обработки данных, например, big data, порождая совершенно другие феноменальные возможности – увеличения пространства применения, к примеру, технологий доверия, усиления когнитивного потенциала, искусственного интеллекта и т.д. Это приводит к чему? К тому, что производство начнет все больше и больше отделяться от социума. То есть оно, отделившись от социума, рано или поздно, приведет к тому, что сформируется производство как нечто отдельное, и в то же время как основа типа удовлетворения потребностей, то есть производство не только само по себе, но включая, если мы говорим о ноономике, в себя, как и в экономике, распределение, но – на иных принципах и инотехнологическими способами.

АВБ. То есть это производство, обмен, распределение и потребление – они другие...

СДБ. Естественно, что это все, так или иначе, в неких иных формах, сохранится. Присутствуют другие формы, присутствуют другие качественные основания, но это и есть ноономика. Когда я говорю о ноономике, я не говорю, что это производство, я говорю ноопроизводство и ноономика, но производство (безусловно – индустриальное, я бы сказал – предельно индустриальное!) – основа ноономики как способа удовлетворения человеческих потребностей, а нообщество – это расширение...

АВБ. У Вас тем самым складывается следующая концепция: ноопроизводство – как основа ноономики, а ноономика – база для нообщества...

СДБ. Да, материальная база нообщества, потому что материальная база в широком смысле включает в себя, я считаю, в том числе, принципиальные классические отношения, «политэкономические» (если искать аналогии!) распределение, присвоение и т.д. и т.п. При этом само производство, по сути своей, все равно остается индустриальным. Поэтому можно опустить слово индустриальный, потому что производство другим не сможет быть, никаким другим.

АВБ. Это один из ключевых тезисов Вашей концепции: производство всегда индустриальное, индустрия – это генокод производства...

СДБ. Да, Вы очень точно уловили и подформулировали. А отсюда и тот вывод, который напрашивается просто автоматически – не существует «постиндустриального» способа удовлетворения потребностей, ибо он всегда – индустриальный.

Я думал об этом очень давно, но говорить об этом практически начал сейчас впервые. Почему? Потому что, для того чтобы в каком-то виде рассуждения обобщить (а особенно – объяснить), надо было некий этап, опять же, пройти, надо было, чтобы люди, которые, даже уже погруженные в эти идеи, их воспринимать могли в дальнейшем. Потому что некоторые мои представления «перпендикулярны», скажем, традиционным. Иначе, если я бы сказал, вот представьте, например, Вам при нашем первом знакомстве, что не существует вообще индустриального способа как такового отдельного, а просто все это индустрия – так Вы бы, вероятно вполне, посчитали бы, что я ни в чем не разбираюсь...

АВБ. Было бы отторжение, да. Ведь всегда находишься в некотором «соответствии» тем идеям, которые ты ранее прочитал, уложил в голову. Иногда и «затвердеваешь» в некоторых таких идеях, многократно утверждаемых разными авторами, и надо как-то критически всё перевернуть при появлении другого взгляда...

СДБ. Тут вспоминается КВН-овский анекдот из моей студенческой юности. Студент перед сдачей зачета на консультации задает вопрос профессору: «Вы, уважаемый профессор, на лекции говорили вот это, а в трех разных учебниках я вычитал, что все наоборот. Как быть?». Ответ профессора: «Вы слишком много читаете, молодой человек, поэтому у Вас и каша в голове. Вот я, к примеру, никого не читаю, кроме самого себя, и то периодически, и у меня с головой все в порядке!..». Шучу, шучу... Да, я, конечно, тоже многое новое не успеваю просмотреть, но Бузгалина иногда почитываю, почитываю Бузгалина и для просвещения, и надо же с чем-то умным сравнивать то, что приходит в голову...

АВБ. Я, кстати, давно ничего нового не писал...

СДБ. А я вот что ни читаю у Вас – все новое. «Глобальный капитал» начал перечитывать недавно, полистал, смотрю, вот, оказывается, это и это я при первом чтении и прозевал...

АВБ. Это взаимно, Сергей Дмитриевич...

СДБ. Я могу сказать даже смешнее, я недавно перечитал «Ноономику», так, просто перечитал. Ну, я-то с целью какой? Думал, что если обрабатывать дальше материал для учебника, делать новый текст, то надо бы взглянуть – какие вещи там стоило бы пересмотреть, что-то, может быть, там надо было усилить, добавить. И, Вы знаете, я...

АВБ. Удивился, неужели это действительно было...

СДБ. Шутите? Да нет, не с этой точки зрения даже, а в том, что подумал – мало что можно менять. То есть принципиально я уже добрался до такого состояния объяснения своего понимания, что уже что-то добавить или убавить, ну, можно, конечно, какие-то детали, нюансы, да, но в принципиальном плане уже все вроде бы как бы сказано, и кроме опечаток, больше особо править нечего. Конечно, можно какие-то эпизоды выкинуть, что-то дописать, «углубить», как говорил известный политик, ведь нет предела совершенствованию. А вообще, в принципе, главное – понимать: особенность какая, любой книжки? Если ты хочешь что-то сказать, ты попробуй это суметь сделать. Если ты сумел рассказать то, что ты осознаешь, значит, тогда удалась книжка, для тебя, по крайней мере. Не знаю, как там для читателя, критика или кого-то еще. А если ты не сумел это сказать, значит, не сумел сказать. Значит, тогда книжка неудачная, даже если стала бестселлером и её все читают. В этом плане, я думаю, «Ноономика» – более удачная книжка для меня, чем многие другие мои опусы. Чем ты сам ближе к тому, что ты хочешь сказать, когда пишешь, и чем меньше себя ограничиваешь, тем точнее и понятнее получается.

АВБ. Но, обсуждая даже вроде бы уже принятые вещи, часто наталкиваешься на новые аспекты, идеи. Сейчас вот у нас возник в разговоре еще один нюанс – нюанс, связанный с пониманием индустрии и нового индустриального способа производства. Я думаю, что это очень существенный, на самом деле, «нюанс», и здесь многое можно дальше думать на предмет

того, что есть системное качество, «родовое свойство» индустрии, которое сохраняется всегда.

СДБ. Да.

АВБ. Суть проблемы понятна: что общего между человеком, который вырубает из камня топор при помощи другого каменного топора и, скажем, автоматизированной системой машин?

СДБ. Можно говорить точно так же об укладах. Что есть родовое в укладах? Технологии? Что есть родовое в индустрии? Родовое в индустрии есть технологическое или производственное применение знания. И это есть родовое. Другое дело, какой это эффект дает, и его мы назвали индустриальным способом производства, а можно назвать это по-другому. Не индустриальный способ производства, а просто, условно говоря, некий способ производства, назовем там некий в кавычках, и тогда мы говорим, можно его разделить точно так же на производство первобытное какое-то и т.д. Но это – тоже производство, производит человек нечто нужное ему для чего? Для потребления. Либо орудия труда, для того же самого потребления, но опосредованного.

В этом плане основное качество, которое там «находится», проявляется – это как раз технологическое применение знания. И объем знаний, который повышается все время, приводит к тому, что изменяется сам этот тип, способ такого производства. Вот, на каком-то этапе возник так называемый в «классическом представлении» индустриальный способ производства. Хотя он ничем не отличается, кроме того, что в какой-то момент это привело к тому, что имплементация знаний, расширившись и качественно изменив производство, привела к массовому удовлетворению потребностей, значит, с помощью механизмов и машин. Да, это такое некое отличие, которое... Знаете, сейчас, допустим, человеко-машинная система, говорят. Вот, есть некий инструмент, машина, и есть человек, одно без другого не работает. А чем отличается, извините, первобытный человек с палкой-копалкой? Палка-копалка, заостренный конец, специально подготовленный, – это некое подобие орудия какого-то, машины и прочее, это человеко-машинный комплекс, палка сама по себе не будет работать,

человек сам по себе не будет работать. Философская основа одна и та же. Конечно, это, пожалуй, несколько примитивное рассуждение, но если мы не доберемся до сути, мы не доберемся ни до чего.

АВБ. Сергей Дмитриевич, давайте вернемся к проблеме продвижения от экономического к неэкономическому обществу.

СДБ. Да, в пути кормить никто не обещал, как-то надо жить.

АВБ. Да, что-то в таком духе, всегда есть хочется. И поэтому вопрос стоит о судьбах тех реальных экономических механизмов, которые есть сейчас и которые изменяются уже сейчас и, видимо, как-то будут изменяться дальше, и, скорее всего, достаточно серьезно. Классическая формула: сегодняшняя экономика – это рыночная экономика, а рынок – это система, где есть, с одной стороны, общественное разделение труда и труд носит общественный характер, а с другой – обособленность производителей, господство частного труда. Этим обособленным производителем может быть отдельный человек, это может быть фабрика, это может быть...

СДБ. Субъект.

АВБ. Сложный производственный комплекс. Но он в рыночной экономике обособлен, действует самостоятельно, на свой страх и риск, за свой счет (кредит, в данном случае, – это второй вопрос). И вот эта система на основе свободной более или менее конкуренции, частного экономического эгоизма, обеспечивает реализацию общественного интереса на базе частного экономического эгоизма. Такова абстрактная модель, идущая от Адама...

СДБ. Хорошо сказали – частного экономического эгоизма. Можно сказать – просто эгоизма, а понимаете, это сразу уводит к чему? К зоокачествам человека.

АВБ. Дальше, что с этим всем происходит?

СДБ. Дело в том, что на самом деле этот экономический эгоизм лежит в основе сегодняшней экономической парадигмы, рыночной парадигмы. Что было в советское время? Вы помните, что мы эгоистами считали самых «материальных» негодяев, это были эгоисты. Почему? Потому что формировали как раз другого человека, пытались формировать, я не говорю, что удалось это

или не удалось, насколько удалось, или во многом удалось. Но – формировали другую ментальность и другое представление о том, что есть хорошо, что есть плохо. И с точки зрения представления цивилизационного развития – небиологическое, незоологическое качество человека развивается, те стороны его сущности, и без которых мы не сможем дальше получить нормальную цивилизацию, сохранить себя как цивилизационное построение, мы не сможем ничего получить. Это вот самая важная вещь. Человек развивается естественным путем, по пути не усиления эгоизма, а снижения эгоизма, как это ни странно выглядит с позиций сегодняшнего дня. Говорят, о, все такие эгоисты! Все – да не все. Вы вспомните, если взять древние времена, когда могли съесть и соседа, «аборигены съели Кука» (помните?), а почему? «Молчит наука». Как говорил наш бард Высоцкий. Почему? По словам поэта, потому что «хотели кушать – и съели Кука!». Это – классическое определение того уровня эгоизма, который был и который прошел человек. И этот эгоизм, если взять древние войны, посмотрите, зашкаливал. Связано это было с тем, что небиологические, духовно-ценностные критерии истинности ведения дел развивались не так быстро, и превалирование «зоо» над «ноо» составляло суть этого процесса. Но – понятно, что духовные потребности, а с ними и критерии эти развивались.

Вообще каждый человек – это отдельная Вселенная, он может быть бо'льшим эгоистом, меньшим эгоистом... Один – Рабиндранат Тагор или, там, условно говоря, Махатма Ганди, которого полагают едва ли как сублимацию некоей обобщенной духовности. Лев Толстой, «непротивление злу насилием», и т.д. То есть, есть какие-то люди, которые вот такие, у них больше этого «неэго», «незоо». Тогда как другие имеют больше «эго», но уже и эти бы не съели Кука. И сам факт появления и существования таких людей говорит в пользу развития человека в этом направлении... О том же свидетельствуют многие – и растущие на протяжении веков! – проявления культуры, духовности, соучастия, социального партнерства, признания обществом многих отнюдь не материальных прав людей и т.п.

АВБ. Я в данном контексте вспомнил о Вашей статье «От «зоо» к «ноо», которая была опубликована в журнале «Вопросы

философии». То есть Вы утверждаете, что неравномерно, но все же происходит возрастание, скажем так, постэгоистической модели поведения.

СДБ. Да. Я бы сказал – возвышение. Это – точнее было бы. Но происходит это не просто так, оно не происходит само по себе, а происходит на базе развития, технологического развития способа удовлетворения потребности людей. Появилась возможность съесть быка, а не соседа, то есть научились копьем работать, съедим быка. Это уже появляется тогда, если быка много, и мяса много, некое желание соседу дать, пускай уже и он съест кусок, все равно лишнее пропадет. А у соседа есть интерес к этому куску. Постепенно вырабатывается это через интересы членов общества, появляется общественный интерес. Совместно быка ловить. Общественный интерес заключается в развитии как раз способов поддержания в нормальном, более-менее устойчивом, самосохраняемом состоянии цивилизационной системы, неразвала её. Чем больше эта система, чем она сложнее, тем больше возникает потребность в такого рода связях, неэгоистического, «незоо»-, «ноо»-характера...

АВБ. На определенном этапе развития технологий в экономической системе появляется общественный интерес как единый для всех членов общества, да?

СДБ. Не сначала. Сначала удовлетворяется первичная потребность, и на базе этого удовлетворения формируется явление под названием «учет несвоих интересов». И формируется общественный интерес. Зарождается, растет, и он всегда в чем-то единый, для всех членов общества, потому что есть и группы членов общества, группы интересов, но если общий интерес некий, он объединяет всех. Например, любые члены общества на сегодня, возьмите, никто не хочет ядерной катастрофы, правильно? Правильно. Богатые и бедные, азиаты и африканцы, и практически все, кто хотите. Другое дело, что никто не хочет болеть бубонной чумой или раком легких, но находятся люди, которые через сублимированный, опосредованный интерес тратят деньги на эту самую бубонную чуму в виде бакоружия или на производство табака. На решение таких проблем и должны быть направлены общественные усилия. И осознание необходимости этого должно быть и на уровне общества-

государства, и на уровне возвышающегося общественного «незоо»-сознания. Либо государство тратит, либо люди, как Билл Гейтс, который против СПИДа организовал фонд и свои деньги туда перевел какие-то. Я не утверждаю, что тот же самый Билл Гейтс является неким Махатмой Ганди нового поколения, хотя что-то в этом есть.

АВБ. Некая толика Ганди присутствует даже в Гейтсе. Может быть, очень маленькая.

СДБ. Да, хотя Гейтс тратит немало, но Ганди не имел того, что имеет Билл Гейтс. И такие биллы гейтсы становятся тоже, как Ганди, неким примером продвижения «ноо»-принципов. Махатма Ганди мог быть один такой, или два, или какие-то самородки появлялись, но они, как светоч, как некий ключ, открывали этот путь, объясняли, куда нужно двигаться, а потом приходили люди, такие, как тот же Гейтс, которые технологически могли как-то поучаствовать в этом деле. И с их внутренним осознанием правильности идей такого рода, и общественного интереса в этом, даже непрямого, косвенного, но своего немеркантильного интереса. Значит, осознанный общественный интерес приводил к тому, что они начинают больше участвовать в реализации этого – через различные институты, благотворительность, государственные налоги, распределение этих денег, поддержку видов бизнеса, который может прокормить людей. Ну и т.д. Огромное количество механизмов передачи этих накопленных уже ресурсов, передачи или решения общественных задач. И дальше зависит от того, какие способы использовать. Способы использоваться могут быть разные, например: если у нас, скажем, на каком-то уровне «воспитанное» общество, более воспитанное общество порождает больше воспитанных «Ганди», таких, которые попадают во власть, попадают в те структуры, даже не во власть, а в структуры управления обществом, реализующие общественный интерес на разных уровнях, тем больше мы приближаемся к нооситуации. Чем меньше таких людей, тем хуже для нас, но сама ситуация с выделением общественного блага, направляемая на общественные нужды...

АВБ. То есть нелинейное возрастание роли общественного интереса...

СДБ. ...Через технологические возможности. То есть если технологический прогресс, уровень развития производства, объем и качество производимого продукта позволяют людей накормить, значит, мы уже будем кормить. И это все больше, как бы незаметно, появляется в нашей жизни. В Лондоне можно пойти в магазин, там можно купить продукты дорого, но во многих магазинах стоят со скидками продукты, у которых уже заканчиваются сроки годности и прочее, значит, это можно купить дешевле. Некоторые магазины, в том числе в России, содержат детские дома, потому что сроки годности продуктов заканчиваются, и, если он честный торговец, он снимает продукт с полки, не стирает стикер с ценой, и не лепит новый, и такие люди тоже есть, количество их немалое отнюдь.

Но есть уже и другие, которые не стирают, а которые скидку дают, либо если продукт еще годен, но зачем его утилизировать, выбрасывать, лучше накормить тех людей, которые съедят его немедленно. И сроки будут выдержаны, и все остальное, потому что обычно люди, 90% людей, покупают продукты в срок, ну, на три, на пять дней, десять дней, а, например, такие структуры, как детский дом, они могут кушать ежедневно, дома призрения для стариков и прочее, почему оно и есть. И чем дальше, тем больше. Возьмите 100 лет назад, практически такого не было, понимаете? У нас были в Петербурге некие личности типа нынешних благотворителей, люди, которые за свой счет, своими силами пытались что-то организовать такого типа – это был более нонсенс, чем правило, а сейчас это не является чем-то таким экстраординарным. Я знаю многих людей, которые, не афишируя, тратят на свои ресурсы, средства, причем это даже не самые богатые люди, всякие люди есть. Но в то же время и государство становится все более социальным, как бы мы его ни ругали, государство, но его задача, как Путин в указе прописал, какая? Фактически – накормить людей, правильно? Какая задача в Китае? Зажиточный средний класс, правильно, общество средней зажиточности, «пинь инь», и т.д. Не общество богатой зажиточности, а с такой зажиточностью, которая позволяет решать задачи развития, в том числе – творческого...

АВБ. Кстати, Сергей Дмитриевич, опять перебиваю. Если построить мостик между этим Вашим тезисом и тезисом об отказе от симулятивных потребностей, то здесь, видимо, отказ от симулятивных потребностей – это тоже один из аспектов возвышения...

СДБ. Я с Вами полностью соглашусь.

АВБ. Это Вы с собой согласитесь в данном случае.

СДБ. Я просто до этого не добрался еще в своих сегодняшних рассуждениях...

АВБ. Извините, я Вас перебиваю и опережаю ту мысль, к которой Вы идете.

СДБ. Да нет, все правильно, я эту мысль мог и не высказать. А так Вы её подтолкнули, эту мысль, она замечательная, правильная абсолютно точно, потому что один из аспектов таких проявлений – это, в том числе, осознанный отказ от симулятивных потребностей. Это – тоже нерастрачивание общественного богатства, и частного в том числе (но общественного больше), почему? Потому что людей, извините, заставляют через рекламу купить ненужную вещь, многих частных лиц. Они тратят свои деньги не на то, что необходимо, а на то, что симулятивно. Значит, если бы эти средства оставались в их распоряжении, то их реальные доходы оказались бы выше, реальной была бы возможность потратить их на реальные потребности, реализовать те, что выше, и т.д. Они могут то же самое, этот кусок пирога общественного, фактически, направить на решение общих задач. В этом плане это действительно не просто мостик, это один из аспектов этого всего дела.

Если говорить дальше, двигаться по этой линии, то сегодняшняя экономическая система, которая до сих пор продуцирует, порождает зоотип отношения к собственности, отношения к материальному миру, вещному миру, и отношения, и скажем, даже не к вещному миру, включая его в свою орбиту. Так, возьмем т.н. «интеллектуальную собственность», первоначально же не было слова «собственность» в приложении к интеллектуальному результату; не было 100 лет, 200 лет назад понятия «собственность интеллектуальная», а потом оно появилось. Придумали, как интеллектуальный результат огородить законами. И товарищ Эдисон быстренько собрал со

всего мира у всех, кто что придумал, да и запатентовал через американский способ столбить участки с золотом, точно так же, как у них там – Джек Лондон написал в свое время: приехал на Юкон, застолбил участок, было не твое, стало твое, и огребай золотишко ...

АВБ. Это, кстати, интересная параллель: золотая лихорадка, интеллектуальная лихорадка...

СДБ. Конечно, она возникла, потому что технологический прогресс позволил получить множество вещей, которые ушлые предприниматели, не обремененные новыми принципами отношений к этому новому явлению, быстро использовали это для себя, переложив новое вино в старые мехи – на традиционный способ использования продукта. Интеллектуального, нового продукта, или какого-то способа, и т.д. Они придумали очень простую вещь: в юридической базе расписали, что это такое, интеллектуальная собственность, как она выглядит, и стали быстренько патенты и все остальное забирать и потом, дальше, требовать за это денег.

АВБ. И возникла не прибыль даже, а рента, интеллектуальная рента.

СДБ. Фактически – да. Это рента, причем не всегда на своем.

АВБ. Как будто бы ограничили участок, а дальше пускают, только если платишь арендную плату.

СДБ. Да. Примерно.

АВБ. Так и здесь. Ограничил, как Вы говорите, застолбил.

СДБ. Застолбил: участок мой, золото мою я, а если пасутся овцы твои здесь, плати за траву, которая тут вырастет и т.д. Хотя я траву эту не сеял, золото там не складывал и т.д. Так что в этом плане общество экономическое продолжает продуцировать, порождать эти самые отношения, которые на сегодняшний день размываются постепенно технологическим прогрессом. Размываются, в том числе...

АВБ. Здесь встает вопрос: как интеллектуальная частная собственность может размываться технологическим прогрессом?

СДБ. Обыкновенно. Как и всякая иная. Вы знаете, мы очень сильно продвинулись в развитии авиационной военной

техники. И очень надеялись, что хорошо свои интеллектуальные результаты (РИДы) защищаем. Застолбили, в американских традициях, ввели наше законодательство, начали продавать сборочные самолето-комплекты в Китай. Что сделали китайцы? Они взяли, разобрали все по винтикам и через некоторое время сказали – это теперь уже их самолет. И отказались от нашего контракта, второй половины. И теперь делают самолеты сами по фактически нашей документации и продают Пакистану, все вооруженные силы Китая вооружены и т.д. Что делали индийские наши коллеги? Они требовали от нас, чтобы мы продали им лицензию на производство с передачей технологии, т.е. более цивилизованно. А дальше они все равно на базе этих технологий развивают новые технологии. Таким образом, знание, с одной стороны, не удержать, если его захотят скопировать, или как-то еще. И все наши искусственные придумки, учитывая особенность знания, что оно размножимо, малоэффективны. Искусственные придумки кончаются ровно там, где заканчиваются искусственные способы изъятия ренты за эти знания. Например, суды. Вот присудит некий суд: России Китай заплатить должен что-то, а он скажет, что платить не будет. И что, войной пойдешь? Ничего не сделаешь. Это не самолет, который он здесь есть, его перегнали, он там теперь. Значит, его можно отобрать обратно. Но знания, интеллектуальный результат, переданный в другие руки, «в другую голову», назад ты не отберешь никак. Даже если войной пойдешь, не приведи Господь.

АВБ. Вот это совершенно верно.

СДБ. И второе, знание еще имеет вторую особенность, о которой мы тоже говорили в свое время. Эта особенность – в том, что оно шире, чем то, что ты нашел сегодня как ответ на вопрос, на который оно отвечает. Что из этого вытекает? Ты сегодня залицензировал некий вопрос, некое решение. Патент, что-то еще. Продал лицензию на использование, а дальше что? А дальше – знание-то шире, покупатель посмотрел – и осознал нечто иное, чем то, что подразумевает лицензируемый результат. Вот мы с Вами пьем чай, смотрим на эту ложечку с этой стороны, а он – вот с такой вот. А он посмотрел на этот предмет с этой стороны, оказывается, тут вмятина, тут впадина, слушай, а ведь

его можно использовать совсем для другого. Мы, оказывается, этой ложкой по лбу били, и хороший она для этого инструмент. А, оказывается, можно чай этой ложкой хлебать. Или мешать раствор. Или как веслом пользоваться. Понимаете? И это уже характеристика того, что мы не можем на самом деле реально все это дело удержать. Знание как вода. Оно проходит через руки как через сито. И мало, что протекает неудержимо, но еще и орошает все вокруг. Знания, имплементированные в продукты, идут по миру, несмотря на то, что удерживать их пытаются сегодня финансовый капитал. Это во многом успешно удается. Тем не менее, мы приходим к точке бифуркации, рано или поздно, когда это удержать уже будет невозможно. Когда продукт, как бы мы ни хотели, станет доступнее, а поскольку он становится все более знаниеемким, плюс с учетом упомянутых выше особенностей знания как феномена, и знание становится многократно доступнее, социализированнее. А там, где социализация, там и размытие института собственности, т.н. «отказ от собственности», экономика совместного пользования. А право пользования есть основное в феномене собственности!

Экономика НИО.2 будет как раз такой экономикой совместного пользования. Уже сейчас рост такой экономики мы наблюдаем. В отношении любой собственности. Так происходит социализация и интеллектуальной собственности, в том числе. И ее доступность, снижение относительно ценности, удешевление. Вот телефон - 50 лет назад был большой ценностью. И телевизор. Не говоря уже о персональном компьютере даже 20 лет назад. А потом появились (техпрогресс!) мобильные телефоны. Первые мобильные телефоны. Я лично покупал в свое время за бешеные деньги, чуть ли не за 5 тысяч долларов. Сколько он стоит сегодня?

АВБ. Если самый дешевый, то пять.

СДБ. Почему он удешевляется? Он ведь уже – и телевизор, и компьютер! И много еще чего. А – дешевле в разы, чем эти предметы по отдельности ранее. Потому что знание, абстрагируемся от других (в данном случае менее значимых факторов), пусть даже само по себе не дешевое как добытый продукт, деленное на количество, уменьшает стоимость этого продукта.

АВБ. Да, распределение издержек.

СДБ. Да. И мобильный телефон старый был размером пускай в два раза, в три раза тяжелее, чем этот, нынешний. И не в три раза подешевел, если материальную часть смотреть, а в сто, тысячу и т.д. Потому что именно за счет тех знаний, хотя знаний там и больше, в нынешнем телефоне, существенно больше. Но, тем не менее, поделенное на миллиарды единиц, это знание позволяет всем практически легко им пользоваться. Фактически мы сегодня пользуемся этой связью, если на то пошло, бесплатно. Стоимость знания в издержках индивидуального мобильного общения стремится к нулю. Можно так об этом говорить, когда каждый человек, к примеру, нищий в индийской деревне, показывали, в палатке сидит, и у него ничего нет, даже электричества, но зато есть телефон мобильный. Это о чем? Что он за него и платить может все-таки. Это значит, и стоимость этой услуги, она сопоставима с тем хлебом, который он ест, чтобы поддержать свою жизнь. И даже дешевле. При всем могуществе тех технологических решений, которые в этот способ общения заложены обществом.

АВБ. Есть и еще один аспект. Это – изменение роли государства, в частности, в связи с изменением соотношения частных и общественных благ...

СДБ. Государство есть отражение общественного устройства.

АВБ. Да. Но, подождите, есть у меня очень конкретный вопрос в этой связи: возможна ли и целесообразна ли экономическая политика государства, нацеленная на косвенное...

СДБ. Воспитание?

АВБ. Дестимулирование бизнеса: если вы не работаете на удовлетворение общественных потребностей, то для вас вводятся высокие налоги и т.п.

СДБ. Нет, не дестимулирование бизнеса, а точнее сказать, на то, чтобы результаты бизнес-процессов все больше воплощались в общественное благо.

АВБ. Так, это другая постановка...

СДБ. А дело в том, что в экономическом обществе, мы понимаем, результат вот этого всего общественного процесса распределения благ, добыча и распределение благ, он

реализуется экономически, через деньги, через экономические механизмы и т.д. Да, здесь есть и некая часть, и она растет, эта часть, которая распределяется другим способом, общественными механизмами и не особенно заметно. Эта часть должна расти. На эту часть должны быть направлены усилия и государства. Но в то же время...

АВБ. Часть, о которой Вы говорите, – это общественные блага?

СДБ. Если бизнес вообще будет дестимулирован, а он в сегодняшнем экономическом обществе и есть основа способа «добычи» и распределения благ, то мы разрушим основной механизм, по которому происходит стимулирование производства и распределение. Потому что в основе стимулирования производства лежит что? Потребность, потому что потребность рождает спрос, спрос рождает предложение, вообще говоря. Это – предложение (я беру обычную схему, я не говорю о соотношении спроса-предложения, взаимовлиянии их, эластичности, этой всей луковичной шелухе).

АВБ. Оставим в стороне...

СДБ. Оставим в стороне, да. И отсюда дальше – появляются те знания, которые необходимы для того, чтобы это произвести. Здесь вот как раз способ производства позволяет постепенно расширять пространство, скажем так, удовлетворения потребностей... С другой стороны, мы понимаем, что это есть длительный и постепенный процесс, и что если сейчас взять вот этот экономический стимул и где-то пресечь, осечь, например, в то время, когда еще мы общественным способом не удовлетворили все потребности, взяли и отрубили, то спрос появляется, как бы сохраняется, а стимула произвести нет. Потому что мы взяли, например, у капиталиста, да и изъяли все. Или, как сейчас в России, создали бизнесу невыносимые условия, фактически – дестимулировали. Или, как в советское время: национализировали, все отобрали. Тогда нужен другой стимул производства. Какой? Ведь надо все равно произвести. Все равно что-то сделать. И мы в ранний советский период возвратились опять же к экономическим способам регулирования и стимулирования. Зарплата, то, се, правда? Т.е. – до тех пор, пока мы не построим, извините, вот эту вот ситуацию, когда

общественное благо, произведенное обществом в достаточном количестве, станет удовлетворять основные потребности людей, до тех пор будет продолжать работать система экономическая, фактически.

Другое дело, что сегодня формы ее «отправления» превратились в гипертрофированные. Растет неравенство, растут симулятивные потребности, людей заставляют покупать не то, что надо, то есть тратиться на снижение общественного блага, а не на повышение. Хотя, казалось бы, индустриальный прогресс позволяет это самое повышение сделать.

АВБ. Подождите, получается – маленькая деталь, но, по моему, важная – рост ориентации производства на удовлетворение симулятивных потребностей реально снижает меру ориентации развития на общественные блага. Может быть, не абсолютно, но хотя бы относительно.

СДБ. Относительно снижает. Относительно уровня удовлетворения возможного. Возможного уровня удовлетворения. Потому что их, благ, реальных благ, было бы больше, оно растет, это благо. Но его было бы больше, если не было бы затрат на симулятивные потребности. И в чем проблема сегодняшняя? В том, что потребность симулятивная возгоняется. Я бы сказал, не растут, а возгоняются искусственно симулятивные потребности. Возгоняются тем способом присвоения и распределения результата индустриального производства, который сегодня существует. Не только в самом производстве, но и во всех связанных с ним экономических вещах. Что мы получаем в результате? Мы получаем в результате, что государство сегодня должно в какой-то такой вот части усилить свои регулятивные функции. Замечу, я в свое время говорил обобщенно, что роль государства при движении в НИО.2 и далее будет снижаться. И это действительно так – со снижением роли экономики как регулятора распределения. Кстати, меня жестко критиковал профессор Михаил Илларионович Воейков за эту позицию. За то, что как раз государство усиливается, что в Америке регулируют чуть ли не количество мяса в пицце.

АВБ. Это его любимая тема.

СДБ. В пище там, и т.д. И я понимаю, что это так. Но это регулирование не количества мяса в пище, это попытка, может быть, такая неуклюжая какая-то попытка, все-таки снизить, может быть, симулятивную возгонку эту. Хотя в этой части это выглядит как некое «усиление» госрегулирования. А почему так государство поступает? Потому что если дать предпринимателю полную волю, может быть, у них там, не знаю, вообще забудут положить мясо в пиццу, а продадут нечто неудобоваримое. Или заставят покупать пиццу со свехнормативным (зато выгодным для предпринимателя) вложением того же мяса! Пусть потребитель страдает ожирением, но ест! Так нашпиговывают напитки сахаром, что у полмира диабет. И это надо ограничивать, конечно. Можно так интерпретировать это, конечно.

Но мне кажется, что не в этом роль государства. Роль государства – в том, чтобы способы распределения становились все более общественно значимыми. Чтобы снижалась доходность симулятивного потребления, симулятивных операций. Я почему говорил, помните, о финансовой ренте на семинаре? Почему? Потому что финансовые спекуляции, которые возникли буквально, может быть, 100-150 лет назад и начали развиваться в конце 20-го века в наибольшей степени, дали уже кучу кризисных явлений и т.д. Эти финансовые спекуляции ничего не дают полезного на самом деле. Но они формируют некую такую базу для развития симулятивных потребностей. И они формируют одновременно очень важную проблему. И, как бы сказать, иницируют ее, и провайдерами являются важной проблемы – «отсоса» денег, извините, из реального сектора экономики в «нереальный» сектор экономики, в финансовый сектор. Финансовый сектор ненужных услуг и т.д. При этом такими способами (деньги в руках!) идет формирование снижения, антитезы тому естественному развитию небиологических черт человека, ноочерт, попытка сохранить и усилить «зоо»: давайте – разврат, там, то, се, давайте будем вводить искусственно агностицизм, атеизм, что угодно. «Мы живем одним днем» и т.д.

Стимулирование всех этих вещей, поддержка всевозможных структур, которые так или иначе могут влиять на население, на массы. А институты сдерживания этой тенденции у

государства, которые были, размываются, здесь государство ослабевает, к сожалению. Ослабевает слишком рано. И здесь должна быть более жесткой линия государства, в этой части. Вообще на любом этапе государство всегда где-то жестче, где-то мягче, где-то либеральнее, где-то мобилизационнее работает, это понятно, в зависимости от исторической ситуации. Больше того, одни «части» государства должны по одному принципу работать, что-то либерализовать, например малый бизнес. А крупный бизнес, наоборот, поставить в жесткие рамки, экологические требования, какие-то другие общественные требования. Точно так же здесь нужно ограничивать и аппетит финансового капитала, тогда, в этом случае, неравенство будет снижаться. Говорят, что очень сложно сегодня добиться этого, потому что рычаги – у этого финансового капитала, но мне представляется, что растущий общественный способ удовлетворения, который развивается на базе новых технологий, рано или поздно будет все равно подтачивать вот эту вот базу, на которой растет все это негодное древо.

АВБ. Симулятивное.

СДБ. Да. Симулятивное финансовое капиталистическое древо. И я не надеюсь, что капиталисты все станут биллами гейтсами и перевоспитаются. Но понимаю, что таких людей, которые в погоне за длинным долларом или рублем будут гнобить себе подобных, будет становиться все меньше. Отсюда и возникает ограничение себя, осознанное ограничение – но не в том, что «я хочу себя ограничить», а в другом – просто «а зачем», зачем гнаться за миражом собственности, сверхдоходности, ставя из-за этого на карту свои способности, репутацию? Свое время, свою жизнь. Просто – а зачем? Вот такого типа ограничение будет постепенно формироваться. Вторая сторона, которая сможет вызвать эти самоограничения – это потеря ценности денег, ценности той собственности, которая будет...

АВБ. Это очень интересно.

СДБ. Это следующий аспект. Потеря ценности той собственности, которая является для них сегодня стимулом. С возрастанием ноопотребностей, с возрастанием ноокомплекса в человеке, ноочерт в человеке, в обществе, будет расти и потребность в других вещах. В признании общественном, в

частности. В работе на благо людей других, на общество. В творческом развитии. С другой стороны, удовлетворение потребностей вследствие технологического и индустриального прогресса будет более интенсивным, будет снижаться спрос и на платную потребность.

АВБ. Это тоже очень важно.

СДБ. Ну, еще раз, технологический прогресс будет развиваться. Технологический прогресс позволит постепенно формировать ситуацию, когда спрос, который есть сегодня, потребность (а через нее формируется спрос) хотя и будет расти, но снизится спрос на платность, на цену вот этой собственности, благ, которые получает человек. Как гаджет, пример с телефоном – показательный. Если раньше это было важно: иметь телефон – не только позвонить, но и престижно. Сейчас престиж возгоняется искусственно. А вот – новая модель, а вот там что-то еще, а у меня золотые стразы, золотые коронки вставили, с зубами теперь этот телефон. Вот это есть «игра на зоокачествах» человека, игра на низменных чувствах. Но в то же время 90% через телефон просто получают информацию, просто потому, что им нужно получить информацию, позвонить, связаться и т.д. Использовать реальные функции аппарата. И стоит эта функция намного дешевле, она доступнее. И приходится тому же самому капиталисту что-то выдумывать, симулятивные рога и копыта к ней приделывать, а не продавать втридорога свой аппарат, хотя, по идее, монополизм ему помог бы, но технологический прогресс не позволяет уже это сделать. Уже есть естественная граница, ограничение этого аппетита через технологический прогресс. Таким образом, получается, что дальше рынок насытился. Эти телефоны стали у всех под кожей, необходимости в этом нет. Появляется либо новый продукт, либо симулятивное приукрашивание старого. Технологический прогресс подтачивает и это постепенно. Шаг за шагом. В результате ценность того, что производится капиталистом, будет снижаться. Ценность того, что производится капиталистическим способом производства, стоимость, вот эта самая стоимость будет ниже, ниже и ниже. Это тоже будет влиять, с одной стороны, на ментальность тех людей, которые занимаются этим бизнесом, или предпринимателя. А с другой стороны, они тоже люди, они будут воспитываться в том

обществе, которое формируется. У них тоже будет больше внутренних ноокачеств и характеристик. В какой-то момент они будут находить применение своим интересам в других сферах. Более общественным, более общественно значимым, через социализацию вот этих всех интересов, функции и производства, и даже не производства, а способа распределения.

Экономика постепенно, на этапе НИО.2, через т.н. «отказ от собственности» и распределение ответственности за использование собственности – а это уже вполне стремительно продвигающаяся тенденция, :выражающаяся а) в развитии экономики совместного пользования (десятки есть уже таких видов бизнеса – каршеринг, карпулинг, ВЦКП, коворкинг, коливинг, колизинг, нетворкинг, техноворкинг, свопинг, фудшеринг и шеринг персонала и т.п, да еще с тенденцией вертикальной и горизонтальной интеграции этих бизнесов, создания «эко-систем» и других подобных структур); б) всевозрастающем тренде расширения коллективного распределения бенефициев от использования собственности, в) распределении ответственности и прав управления собственностью между не столько собственниками, сколько между группами пользователей оной (акционер – менеджер – специалист!) – будет, через этап «экономики совместного пользования», более широкого обобществления все дешевого результата производства, социализации собственности, формирования через это новых типов поведения и культуры потребления, в которых будет всё меньше нужда в капитале, государственном контроле и прочая как в посредниках в отношениях между людьми в процессе удовлетворения их потребностей – да, переходить в ноономику. Т.е. будут все больше возрастать неэкономические способы удовлетворения потребностей людей, способы распределения, способы доведения благ до получателей их, способы получения их, производства и т.д., распространяться все больше и больше. Сводя на нет экономику.

Я не думаю, что это разово произойдет. Так что...

АВБ. Примерно такая же история – с частными потребностями. Нет, с частными благами?

СДБ. Может быть. Здесь можно еще немножко поспорить, но, в принципе, это – одного порядка.

АВБ. Нет, я просто пытаюсь понять.

СДБ. Просто я говорю о том, что деньги, как мерило этой самой собственности, стоимости собственности, постепенно возвратятся к исходным функциям. Средство учета, расчетов для тех, которые меняются. Постепенно и эта функция будет сходиться на нет, потому что меньше будет необходимости в расчетах. Так что роль государства, если вернуться к этому, заключается в том, чтобы двигаться в этом направлении. Двигать общество в этом направлении. Развивая общественную социализацию. Я утверждаю, что в мире это движение идет очень интенсивно. Возьмите европейские страны после Второй мировой войны. Пример Советского Союза раздолбал представление о том, как людям надо жить. Многое из-за нашего примера изменилось в капитализме 20-го века. В сторону социализации. Да, они, конечно, победили нас в экономическом противостоянии, потому что мы технологически не были еще готовы к этому. Ментально, идеологически уже много было готовности, большая была готовность, потому что идеология эта работала. Другое дело, что чем больше мы отставали технологически от них, тем меньше эта идеология влияла на умы.

АВБ. Парадокс.

СДБ. Это правильно. Потому что даже нет парадокса, Александр Владимирович, парадокса нет. Почему? Потому что бытие определяет сознание. Так, и если наше «бытие», в сравнении же все берется, по сравнению с чем-то отставало, то мы начинали думать, что там лучше, и воспринимали эти идеи. И идея победившего капитализма овладела массами еще в конце советского периода. И эта идея привела к тому, что мы начали возвращаться к новому НЭПу. Помните, открытие кооперативов, как-то еще. Потому что, с одной стороны, технологически мы не успевали рынок по насыщению потребностей сделать, значит, рынок здесь лучше работал. А идеология была наша лучше, потому что способ распределения предусматривал лучший. Но невозможно совместить эти две идеологии просто так быстро, в одном и том же государстве. В одном флаконе. Это удалось кое-как, с большими сложностями, потугами Китаю. Не знаю,

насколько он вырвется куда-то, но, в принципе, мне кажется, сейчас капиталистическая идеология там гораздо более активна, чем некапиталистическая. Хотя движение по этому пути, по крайней мере, официально провозглашенном, по пути нового строительства, у них ведется. Потому что их идея достижения «пинь инь», общества средней зажиточности, – это промежуточный этап насыщения потребностей людей, тех реальных потребностей людей, которые сегодня основная масса населения испытывает. И тогда получается, что, когда эти потребности будут удовлетворены, возникнет основа для того, чтобы увеличивать общественное достояние. Оно и так сейчас немаленькое, но на количество населения – небольшое. Оно будет увеличиваться. И вот по этому пути мы можем тоже идти, мы резко отшатнулись от этого пути, даже когда Европа продолжала это движение. Сейчас Европа, не имея такого стимула, в нашем лице, раздражителя, в какой-то мере тоже откатилась. Вы посмотрите, что делается в той же Франции, зажимают людей, какие проблемы возникают в Германии, в других странах. И это выражается, соответственно, в повышении конфликтности, в сепаратизме, протестах «желтых жилетов», чего хотите. Народ, уже привыкший к неким социальным отношениям, не готов очень быстро воспринимать откат обратно. Это является основой, фундаментом того, что большого отката быть не может уже. Потому что, попробовав сахар, отказаться от сахара тяжело, наркотик. Так что и это люди понимают – а чем дальше, тем слаще, что называется. И развивающиеся технологии позволяют капиталу идти на уступки, вынуждают его это делать. Понимает это, в этом плане, думаю, и Европа, и весь мир, наиболее, я не говорю – цивилизованный мир, это неправильно, а – технологически продвинутый мир. Вот в этом плане цивилизация продвинута там, где продвинуты технологии. Технологически продвинутый мир, если надеемся, что мы переживем точку бифуркации благополучно, когда капитализм доведет ситуацию до состояния гроги, когда в погоне за их приоритетами могут быть и критические состояния, вплоть до катастрофы. Я, честно, не очень в это верю. Я больше верю в разум общества. Но тем не менее может быть такая ситуация, когда – да гори все пропадом, и будем все равно себя бомбить, у

всех всё взрывать и прочее. Все равно мне кажется, что «внутри себя» любой человек, принимая такое решение, понимает, что он и сам может сгореть в этой катавасии. И пропасть. И всё, чего ради он собирает, там копит, для того, чтобы было себе хорошо и детям, там, кому-то еще. Ну, кому еще? Ну и т.д. А если это все сгорит? Все это пропадет?

АВБ. Вопрос!

СДБ. Хорошо, допустим, можно завоевать новую территорию, захватить ресурсы, но – а если в результате будет радиоактивное заражение местности, или ядерная зима, или еще что-нибудь такое, или мор, чума, потому что лаборатории будут разбомблены? Все эти бактерии вырвутся наружу, ни охраны никакой нет, медицина рухнула и что-то еще такое. Моровая язва общая, и до свидания. Такое может быть? Может быть. Теоретически не исключено. Если мы эту точку переживем, то в этом случае, рано или поздно, распространение знаний, которое уже сегодня позволяет этими знаниями пользоваться многим людям на Земле, которые совсем недавно еще жили в хижинах или в джунглях, рано или поздно придет к тому, что выравнивание будет происходить, региональное, социальное выравнивание. Между стратами людей, между классами – отношением к собственности определяются страты людей. Это выравнивание будет, понятно, все быстрее и быстрее ускоряться, как только мы перешагнем этот рубеж, условно говоря. Понятно, что останутся естественные потребности людей. Каким способом будут они удовлетворяться? Техпрогресс решит эту задачу. Это еще бабушка надвое сказала, что надо ориентироваться на видимые сегодня способы. Не исключено, что совсем не биологическим способом, кто его знает. Может быть, люди придумают более рациональные способы питания, воспитания, обучения. Рождение людей, наконец, например, не носить 9 месяцев ребенка в чреве матери, а «носить» будет искусственный аппарат какой-нибудь, и продолжение жизни будет в нашем цивилизационном будущем другим способом придумано. Может быть, не знаю, удовлетворение потребностей есть пищу не будет необходимостью такой, потому что еда, поставляющая энергию нам, может быть, в каких-то энергетических капсулах будет сублимирована и т.п., всяко может быть, понимаете? Все может

быть, и все эти вещи будут все более доступны людям. В этом смысле я остаюсь оптимистом. И полагаю – как в таких условиях будет работать государство? Постепенно снижая свои функции, снижая свое давление в плане регулирования общественных отношений, потому что когда надо регулировать? Когда не отрегулировано, «неопосредовано» через кого-то, когда мы не можем договориться, когда мы не можем друг друга понять. То есть вот мы можем напрямую с Вами сейчас друг друга понять, мы с Вами общаемся, нам надо с Вами сейчас государство? Абсолютно не надо, правда? Ну, чашка чая и технологический прогресс в виде диктофона. Для понимания людей, для нахождения общих принципов работы, принципов жизни, принципов деятельности, бытия, государство нужно только в той части, которая регулирует отношения, и будет оно регулировать те отношения, которые будут. Отношения между нами и вами, например, условно говоря, если абстрагироваться от индивидуальной собственности какой-то, от, не знаю, способа удовлетворения потребности в еде, там, пище. У нас какие потребности? Ну, может быть, государство могло бы, условно говоря, поощрить за то, что Бугалин, профессор МГУ, больше знает. И он – более уважаемый человек в обществе, установить некие принципы, критерии, оценки, может быть, и от этого не материально стимулировать, а, скажем...

АВБ. На стенке написать: Бугалин – хороший человек.

СДБ. Да, и это несколько не смешно. На стенке написать, памятник поставить, еще что-то такое, понимаете? И это будет, с другими стимулами, государство, возможно, будет регулировать такого типа отношения. Думаю, что отношения будут регулироваться также в плане, особенно важном для всего социума, потому что общественные отношения будут расти, государство будет регулировать все больше эти вещи. Например, отношения между социальной системой и производственной (производящей) системой. Например, установление каких-то общих правил и норм, каких-то, которые не должны людьми нарушаться, установление какого-то порядка, или, условно говоря, контроля за этими вещами. Понятно, что все больше общественный контроль будет, все больше общественного будет понимания, все меньше будет таких ситуаций, но они будут. И

роль государства будет на этом этапе постепенно, постепенно все это отрегулировать, а когда поле для регулирования будет исчезать, будет исчезать и государство. В первую очередь, исчезнет роль государства, традиционная ныне, как экономического регулятора, когда исчезнет экономика. Потому что сегодня, больше, во всяком случае, мне кажется, половины всех отношений, которые регулируются государством, – это экономические отношения.

АВБ. У нас состоялся содержательный разговор, появилось много новых линий развития Вашей концепции. Появилось много новых «русел», по которым может идти дальнейшая разработка Вашей концепции, имплементаций Вашей фундаментальной идеи ноономики...

СДБ. На самом деле – ничего сверхоригинального здесь нет. Это – классическая идея всех людей, которые думали более-менее целенаправленно о развитии общества. Посмотрите многих философов, экономистов, там, возьмите Маркса – в принципе, никуда от этих соображений не уйти. Я только робко кое-что уточняю. С учетом современности и проявляющихся тенденций развития. А в историческом аспекте, как шутили мы еще студентами, «учение Маркса всеильно, потому что оно вечно»...

АВБ. На этой доброй шутке, мы, наверное, и закончим.